

Сергей Зверев

**РЫЦАРЬ
ОРДЕНА НКВД**

*Москва
2017*

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Зверев, Сергей Иванович.

3-43 Рыцарь ордена НКВД / Сергей Зверев. — Москва : Эксмо, 2017. — 352 с. — (СМЕРШ — спецназ Сталина).

ISBN 978-5-699-99334-5

Осень 1941 года. Враг у стен Москвы. Основные предприятия и учреждения эвакуированы в Горький, где формируется новый рубеж обороны. Чтобы посеять панику и помешать выпуску военной продукции, фашисты забрасывают в наш тыл хорошо подготовленных диверсантов. Борьбу с ними ведут части НКВД под командованием майора госбезопасности Василия Ясного. Опытный чекист понимает: мало выявить и уничтожить мелкие группы врага, важнее перехватить стратегическую инициативу. С этой целью Ясный создает специальную группу и начинает вести с фашистами тонкую радиоигру...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99334-5

© Рясной И., 2017
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2017

В основе этой книги лежат воспоминания одного из легендарных контрразведчиков СССР генерал-лейтенанта Василия Степановича Рясного. Вместе с тем произведение носит художественный характер и не может восприниматься как исторический документ.

Глава 1

БАСМАЧИ И ДЕХКАНЕ

— Ну выйди, поговорить надо. — В голосе пузатого басмача в халате и папахе из бараньей шкуры звучала безнадежная тоска вперемешку с тщетной надеждой.

— Мне и здесь неплохо, — беззаботно отмахнулся Василий Ясный, взирая на блюдо с пловом и прикидывая, как бы его одолеть.

— Ну сколько ты там сидеть будешь? — уже почти канючил толстый главарь банды.

— Хоть до глубокой старости. Спасибо хозяину этого благословенного дома за его великодушное гостеприимство...

Нарвался на банду секретарь райкома комсомола Ясный, когда в военной гимнастерке и галифе, на вороном коне, с наганом в кобуре метался по кишлакам, поднимая комсомольцев на подвиги, агитируя против баев и басмачей.

Похоже, в последнем кишлаке находился кто-то из вражеских пособников, потому что, когда комсомольский вожак скакал в направлении Теджена вдоль берега реки с таким же названием, его ждали. Десяток конных бандитов выехал прямо на него. Предводитель что-то заорал, взмахнув

английским карабином. Но Ясный слушать не стал, а только пришпорил коня. Басмачи устремились следом. Грохнул выстрел, но пуля прошла в стороне. В него и не хотели попасть. Его хотели взять живым. И устроить показательную казнь комсомольца, столь убедительно смущающего умы не только молодежи, но и почтенных дехкан.

Место они выбрали хорошее. Справа река с камышами. Слева тянутся засеянные поля. Дальше виднеется кишлак, но туда проклятый комсомолец не двинет — знает, что поселение басмаческое, где каждый мужчина сам в банде или его родственники бьются с неверными. Оставалось жертве скакать в пустыню, а там его конь уступит горячим басмаческим скакунам. Или пуля догонит. Там у него шансов нет.

Ясный знал, что сдаваться нельзя. Насмотрелся, как обращаются басмачи с пленными. И еще знал, что будет биться до последнего. И оставит в барабане один патрон — для себя. Но пока он еще жив. И может победить.

И он сделал то, чего никак не ожидали преследователи. Пришпорил уже выдыхающегося коня и устремился в бандитский кишлак.

Обогнав немножко преследователей, он ворвался в кишлак. И припустил к самому богатому глинобитному дому, окруженному садом. Там, по идее, должен жить самый важный бай.

Василий спрыгнул с коня перед удивленными хозяевами дома, крикнул:

— Позаботься!

Сунул уздечку в руку чумазому пацану. И тут же рванул на порог с криком:

— Я ваш гость!

И вот теперь он уже третий день важно восседает, как бай, на ковре, вокруг него крутятся домочадцы хозяина-басмача, ненавидящие гостя всеми фибрами души. Чай, плов, фрукты — все это несут постоянно с видом «чтоб ты подавился». Но несут и находят силы улыбаться. Потому что гость священен. Его нужно кормить, защищать, не давать в обиду. Такова древнейшая и самая прочная традиция этих мест.

А бандиты сидят кружком у дома, облизываются, как голодные псы, перед носом которых машут куском мяса, но кусать не дают.

Время от времени басмачи предпринимали тщетные попытки уговорить русского шайтана выйти, поговорить с ними по душам, чтобы тот объяснил перспективы строительства советской власти. Но трюк был наивный — за порогом дома Ясный переставал быть гостем и превращался в неверную собаку.

Все это продолжалось уже третий день. Василия интересовало, сколько времени понадобится басмачам, чтобы забыть об обычаях. Это был вопрос жизни и смерти.

Несмотря на то что положение казалось безвыходным, как все молодые и горячие, он в свою смерть не верил. Был убежден, что жить ему долго, счастливо, и он своими глазами увидит тот мир, для которого не жалел крови и пота.

Василий Степанович Ясный родился в Самарканде в семье железнодорожного рабочего. Учился в Ашхабадском железнодорожном училище, когда грянула революция и пацанам сказали, что они могут принять участие в строительстве нового справедливого мира. В 1919 году в пятнадцать лет вступил в комсомол. И всеми правдами и неправдами добился призыва в Красную армию, ушел очищать Туркестан от белогвардейцев и английских интервентов. Как грамотного и молодого, его назначили писарем в Политотдел Первой армии, где он со знанием туркменского языка участвовал в формировании частей из туркмен, а потом и воевал вместе с ними на фронте. Когда закончились бои, его направили в Тедженский военкомат для участия в работе по советизации уезда, борьбе с басмачеством. Там он организовывал добровольные отряды милиции из коренной молодежи, бился с бандами, был заместителем командира отряда частей особого назначения по борьбе с бандитизмом. Руководил продотрядом, чтобы не дать умереть с голоду городам. А когда прошел в Ташкенте курсы комсомольских работников, его вызвал руководитель ЦК комсомола Туркестана и объявил:

— Назначаешься секретарем комитета комсомола в Тедженский уезд.

— Там же комсомольцев нет! — воскликнул Ясный.

— Как нет? А ты?

Так началась его беспокойная жизнь комсомольского агитатора и главаря. Это был его родной уезд — самый южный, засушливый и большой в Туркменистане. Там жило оседлое население с древними традициями, воспитанное веками покорностью баям и эмирам. Нужно было его встряхнуть. Показать новый путь. А вместе с тем решать вопросы земли, воды, восстановления хозяйства.

В Туркестане разгоралось басмаческое движение. В Бухаре бесчинствовали банды бывшего турецкого военного министра Турции Энвер-паши, которого басмаческие курбаши объявили главнокомандующим всеми освободительными силами Средней Азии. В Тедженский район банды приходили из Персии и пополнялись местными дехканами, многих из которых зазывали в свои ряды под угрозой смерти. Басмачи нападали на села, убивали советских работников, отрезали им головы и сдирали кожу.

В этих условиях Ясный бесстрашно мотался по всему уезду на своем верном коне. Находил сторонников. Создавал комсомольские ячейки. И честно заработал уважение друзей, союзников и ненависть врагов. Его много раз пытались убить басмачи. И сейчас были как никогда близки к этому.

— Ну выйди, поговорим. Мы тебя выслушаем, — опять заканючил главарь.

Даже жалко его стало. Ясный кинул на него взгляд в окно. И невольно залюбовался. Сколько

видел басмачей в Туркестане, но туркмены — самые статные. Взять узбекского басмача — он тяжело тащится пешком, плечо сгибает увесистое английское ружье. А туркмены — brave молодые в халатах и шапках, на конях сидят так, как будто родились в седле. Просто загляденье. Одно плохо — они враги. Хотя бывает так, что враги становятся друзьями. Многие банды переходили на сторону советской власти, занимали места во властных структурах и бились с бывшими соратниками. Восток — тут все очень сложно. Традиции, родоплеменные связи, кровная вражда, ну, и дружба — тоже кровная. Все запутано и странно кажется со стороны, но тот, кто понимает эту землю, прикипает к ней всем сердцем.

— Я тут пока поживу, — крикнул Ясный в окно и принялся за плов.

Так много он не ел никогда. Хозяева выложили все запасы...

На четвертый день, когда горячее майское солнце было в зените и выжигало все вокруг, басмачи неожиданно заголосили, запрыгнули на лошадей и унеслись прочь. В кишлак въезжали конные красноармейцы, проверявшие сведения о шалящих в округе бандитах.

Ясный церемонно поблагодарил хозяев за гостеприимство. И вышел из дома.

У него было еще много забот...

Это был лишь один день из бесконечной череды, когда бурлит кровь, когда ты сроднился с риском. Когда тебя гонит вперед ощущение, что

именно на тебе лежит ответственность изменить мир к лучшему.

Текли годы в бесконечной борьбе, в напряжении всех молодых сил. Ясного, действовавшего умело и надежно, бросали на новые участки работы. Ему было восемнадцать, когда он вступил в партию. И уже в качестве заместителя секретарей различных райкомов партии проводил земельную и водную реформы. Отвечал за продналог. Боролся с баями. Укреплял власть — иногда твердостью, иногда компромиссом. Но главное — всегда умел находить общий язык с народом. Он любил и понимал этих людей. Мудрых и наивных, добрых и жестоких. Доносил до них свою правду.

И с басмачами еще встречался не раз. Свист пуль, сабельная сшибка, секунда страха, а потом отчаяние боя — все это стало привычным.

Его лихость подчас толкала на авантюры. Однажды он стал источником международного скандала.

В 1926 году советская власть уже достаточно окрепла. Но снабжаемые англичанами оружием и снаряжением банды приходили в Туркмению с территории сопредельных государств, чинили расправы над неугодными, убивали сторонников новой власти и уходили.

Ясному было отлично известно, в каком приграничном городе базировались и подкармливались басмачи. После очередного их налета он собрал в одном городке сход местных жителей и задал вопрос:

— Долго терпеть будем? Граница — вот она. И кто удержит наш гнев? Ну как, дехкане?

Собрался приличный отряд. И пошли в Персию с вопросом — доколе. Пришлось пострелять и погромить немножко. Привели на народный суд оттуда нескольких басмачей. И налетов сразу стало меньше. Зато появилась дипломатическая нота о нарушении границы.

Вызвали тогда Ясного в ЦК компартии Туркменистана. Сдвинув сурово брови, допрашивал его сам первый секретарь Шаймардан Ибрагимов. А виновник скандала только пожимал плечами:

— Я тут при чем? Это же народный гнев. Эти бандиты надоели всем. Месть. Народные традиции.

— Говорят, тебя видели в толпе в Персии, — наигранно сурово давил первый секретарь.

— Меня? Ошиблись. Меня там не было.

Все прекрасно всё понимали. Первый секретарь знал специфику республики гораздо лучше МИДа и осознавал, что тут нужно отвечать силой на силу. Поэтому тихо спустил все на тормозах. А Ясный пошел на повышение. Стал членом ЦК. Рос уровень задач. Мелькали в диком калейдоскопе годы.

Он понимал, что ему не хватает двух вещей: семьи и образования. Его всегда тянуло к знаниям, поглощал их как губка, читал много, но нуждался в системном обучении.

Жену он нашел в 1928 году в Душанбе. Миниатюрная, красивая, очень умная, из рабочей семьи, Лена в свое время окончила гимназию. В царской России осуществлялась программа по выявлению одаренных детей среди низших слоев общества и бесплатному их гимназическому обучению. Так умная, охочая до знания девушка получила хорошее образование. Когда Ясный увидел ее, между ними сразу пробежала искра. Не раз он благодарил потом Бога за то, что тот послал ему такую верную, понимающую жену, ставшую надежной опорой большой семьи. В 1929 году у них родилась дочка.

С семьей сложилось отлично. А что делать с образованием? Ясный всегда интересовался историей, традициями Востока и твердо решил поступать в Московский институт востоковедения имени Нариманова.

Нехотя, но согласие ему руководство ЦК дало.

«Строго секретно. ЦК КП(б) Туркменистана. Ашхабад.

Выписка из Протокола № 40 Заседания ЦК КП (б)Т от 20 июля 1931 года.

О характеристике т. Ясного В.С. для Института востоковедения.

Утвердить следующую характеристику.

Тов. Ясный Василий Степанович, член ВКП(б) с 1922 года, в Туркмении работает с 1921 года на ответственной комсомольской работе, на советской работе в качестве заместителя председателя райисполкома Серахского района, на партий-